

Барон Норвуд смотрел на молодого наследника Норфолка Эдварда Плантагенета, стиснув зубы от разочарования и страха. Он никогда не подозревал ничего необычного в этом молодом дворянине. Для него Эдвард казался просто еще одним молодым лордом, живущим за счет богатства своих предков. Однако потенциал и мастерство, которые он продемонстрировал сегодня на поле боя, превратили его в по-настоящему грозного противника.

Даже закаленный в боях барон, с многолетним опытом на поле боя, был в восторге от лидерства и стратегической хватки Эдварда. Разрыв между их способностями был огромным, а стратегии Эдварда превосходили стратегии барона во всех отношениях. Это было осознание, от которого по спине барона пробежал холодок, когда он пришел к соглашению с грозным противником, с которым столкнулся.

Барон Норвуд оказался в тяжелом положении. Преданный своими людьми и столкнувшийся с надвигающимся прибытием значительных сил, посланных графом для подчинения его территории, всякая надежда на помилование или прощение исчезла. Его бывшие союзники-бандиты, которым он покровительствовал, хранили молчание более недели, не предоставив обычных отчетов. Стены его некогда могущественного замка теперь казались хрупким барьером между ним и неизбежными последствиями его действий.

— Похоже, вот оно, барон, — спокойно заметил Эдвард, его глаза были устремлены на некогда гордого дворянина.

Барон, симулируя невиновность и отчаяние, крикнул: «Почему вы напали на меня? Чем я вас обидел?»

Без колебаний Эдвард повернулся к Руфусу, жестом приказав ему представить собранные ими доказательства. Руфус быстро достал из кожаного мешочка пачку конвертов и передал их Эдварду.

Эдвард выбрал одно из писем и сунул его барону. «Это окончательное доказательство ваших связей с бандитами, и у меня есть еще несколько подобных», — заявил он, размахивая пачкой компрометирующих писем.

Послышался вздох барона, когда он увидел перед собой обличающие доказательства. Он не мог отрицать истину, поскольку, хотя на письмах не было его печати, на них несомненно стояла его подпись.

Прежде чем барон успел сформулировать ответ, Эдвард прервал его, сообщив мрачную новость: «Мы уничтожили ваших союзников до последнего человека».

Осознание своего тяжелого положения тяжелым бременем легло на Роджера Норвуда, поскольку правда о его причастности к бандитам и последствиях его действий стала неоспоримой.

— А на данный момент, — твердо заявил Эдвард, — я назначен регентом этого баронства, а вы и ваша семья предстанете перед судом графа в Норидже.

Барон, лишенный всяких слов, просто смиренно опустил голову. Трое солдат быстро вывели его из города и повели к ожидающему армейскому лагерю, откуда он должен был начать свое путешествие в Норидж, чтобы столкнуться с последствиями своих действий.

Эдвард, не теряя времени, в сопровождении отряда своих солдат вошел в замок. Его первым приказом было отправить группу солдат для тщательного исследования помещения в поисках

любой важной информации. Выполнив эту задачу, он направился в тронный зал замка.

Внутри он нашел баронессу вместе с ее сыновьями, восседающими на троне. Тронный зал представлял собой величественную демонстрацию богатства, свидетельство богатства и статуса барона. В дальнем конце стояли три богато украшенных сиденья, привлекающие внимание. Центральный трон сиял полированным серебром, предназначенным для самого барона. Слева от него баронессу ждало сиденье из полированной бронзы, а справа для наследника предназначалось искусно вырезанное кресло из лучшего дерева.

В настоящее время мать и ее сыновья выглядели явно потрясенными, их элегантный фасад благородства разрушен. Эдвард предположил, что известие о поражении мужа, вероятно, дошло до нее, оставив ее в состоянии отчаяния и неуверенности.

— Леди, — начал Эдвард спокойным тоном, — вашего мужа обвиняют в измене графству, и в настоящее время его переправляют в город Норидж.

Однако баронесса отреагировала смесью шока и гнева. — Как такое могло быть? — воскликнула она, ее голос дрожал от ярости. — Он платил самые высокие налоги среди всех дворян под властью графа, и вот как вы нам отплатили?

Эдвард ответил на ее гнев спокойным опровержением. — Теперь в гневе нет смысла. Сумма, которую он заплатил в качестве налогов, составляла менее тридцатой его годового дохода, и не законную десятую его часть.

У баронессы не было никакой реакции на это откровение, и вместо этого она крепко вцепилась в своих детей, ее страх за их будущее был ошутим.

Эдвард подал знак солдатам, приказав им сопроводить баронессу и ее детей в то же место, что и барон. Когда солдаты приблизились к баронессе, она закричала: «Не причиняйте вреда моим детям!»

— Это не вам решать, — ответил Эдвард, его поведение было непоколебимым, прежде чем позволить солдатам выполнить свой долг и увести семью.

Сидя на троне в конце большого зала, Эдвард не мог не размышлять о весе власти и ответственности, которые давало это место. Хотя он и не был таким экстравагантным, как трон его отца, он все же излучал неоспоримую ауру власти. Для простолюдина мысль о обладании такой силой была почти невообразимой.

Его мысли устремились к будущему, которое, казалось, было чревато испытаниями. Надвигающаяся Столетняя война была источником беспокойства. Эдвард знал, что оно должно было начаться в следующем году, и хотя в глазах общества он еще не считался взрослым, это избавляло его от непосредственного участия в боях. Однако, если бы история пошла своим чередом, его отец мог бы скончаться примерно через два года, передав контроль над графством ему, а не его старшей сестре, которая унаследовала бы его, если бы он погиб в тот роковой день.

Однако, помимо политических и военных проблем, его мысли преследовала тень – бубонная чума, также известная как Черная смерть. Его название было синонимом страха из-за его ужасающих симптомов и разрушительного воздействия на население. Эдвард прекрасно осознавал, что эта смертельная болезнь может унести миллионы жизней за короткий промежуток времени. Из-за ограниченности медицинских знаний и технологий того времени предотвращение распространения чумы было непростой задачей. Его единственная надежда

заклучалась в дипломатии и мерах по предотвращению распространения болезни на Британские острова.

Однако это была проблема на следующий день. Угроза бубонной чумы перестала прибывать на острова в течение следующих десяти лет или около того.

Эдвард отмахнулся от своих размышлений и направился в кабинет барона, где он разместил солдат для расследования. Несколько мужчин стояли с коллекцией документов, обнаруженных во время обыска. Эдвард принял документы и начал рассматривать их один за другим.

То, что он обнаружил в этих бумагах, глубоко изумило его. Они раскрыли сеть обмана и коррупции: хищения, уклонение от уплаты налогов, непомерное налогообложение крестьян, деятельность незаконной организации ростовщиков, заговоры против соседних дворян и, что самое ужасное, связи с пресловутой бандитской группировкой. Этот кладезь информации был просто бесценным, поскольку мог значительно подорвать авторитет барона при дворе его отца. Барон, несомненно, окажется в невыгодном положении в предстоящих разбирательствах.

Эдвард не терял времени. Он поручил одному из мужчин отнести документы Руфусу и поручил ему немедленно отправить гонца, чтобы доставить их в Норидж. Солдат незамедлительно подчинился приказу и отправился на поиски командира Руфуса.

Остаток своего дня Эдвард посвятил углубленному анализу информации, касающейся баронства и его торговых отношений с соседними регионами. Его выводы нарисовали мрачную картину. Богатство баронства было сосредоточено среди избранных, особенно тех, кто имел тесные связи с бароном. Эти привилегированные семьи были поразительно богатыми, в то время как большая часть населения, включая мелких лордов и рыцарей в его армии, томилась в крайней нищете. Положение крестьян было еще хуже, поскольку они изо всех сил пытались выжить, располагая скудными ресурсами. Это резкое неравенство в богатстве и условиях жизни тяжело давило на разум Эдварда, когда он размышлял о предстоящих проблемах.

Эдвард понимал, что для исправления тяжелой ситуации в баронстве потребуется хорошо продуманный план. Однако он также признал, что любые серьезные инициативы потребуют одобрения двух придворных, которых двор его отца послал для наблюдения за его регентством. Эдвард вздохнул, смирился с бюрократическим процессом, который предстоял впереди, и начал кропотливую работу с документами, необходимую для представления предлагаемых им решений.